

— Тим Хэйл

ШЕПОТ ВРЕМЕНИ

Тим Хэйл

Шепот времени

«Автор»

2026

Хэйл Т.

Шепот времени / Т. Хэйл — «Автор», 2026

После катастрофы остаётся не только пепел. Остаётся память — обрывочная, шумная, человеческая. «Шёпот времени» — это цикл драматических историй о людях, оказавшихся в последней точке между жизнью и исчезновением. Пассажирка самолёта, летящего навстречу трагедии 11 сентября. Шведская девушка, пытающаяся выжить в аду цунами в Таиланде. Музыканты, актёры, потерянные кумиры и обычные люди, чья история перемолола так же беспощадно, как и знаменитостей. Их судьбы не связаны напрямую, но между ними проходит один тихий нерв — попытка сохранить человеческое лицо в момент, когда мир рушится. Это книга не о смерти. Это книга о последней надежде, памяти, боли, любви и о том, как человек цепляется за жизнь даже тогда, когда всё вокруг уже решило иначе. Стиль романа сочетает психологическую драму, кинематографическую детализацию и почти документальную точность катастроф с эмоциональной прозой, в которой важнее всего — живой человек внутри большой трагедии.

© Хэйл Т., 2026

© Автор, 2026

Тим Хэйл

Шепот времени

Тим Хэйл

Шепот времени

Тем, кто застыл в помехах истории. Мы всматриваемся в этот шум, чтобы среди тысяч точек различить ваши лица и не дать вам исчезнуть окончательно

Пролог

Мир — это хрупкое равновесие между тишиной и катастрофой. Мы привыкли верить в неизблемость горизонта, в надежность стальных бортов и в то, что завтрашний день наступит по расписанию.

Но иногда море отступает слишком далеко, обнажая кораллы и предвещая беду. Иногда небо вспыхивает ярче тысячи солнц, превращая город в тень. Этот сборник — не о смерти, а о той последней секунде, когда человек остается наедине со своей судьбой. Это попытка услышать голоса тех, кто исчез в пучине вод, в пламени войны или в тихом свете уходящего дня.

Барабанные палочки

Маргарет Уоллес было пятьдесят восемь, и самолёты ей не нравились.

Не то чтобы она их боялась — страх предполагает что-то резкое, почти детское. У неё было другое чувство. Недоверие. Как к человеку, который слишком много улыбается и слишком гладко говорит. Самолёты казались ей именно такими — чрезмерно уверенными в себе. Слишком тяжёлыми для того, чтобы держаться в воздухе, и слишком сложными, чтобы не ломаться.

Она не спорила с тем, что они летают. Она просто не верила, что это должно работать.

Но у Тимми был день рождения.

Семь лет — возраст, который ещё не испорчен окончательно. В семь человек радуется вещам не потому, что «так принято», а потому что они действительно радуют. Маргарет уважала это больше, чем большинство взрослых принципов.

Тимми был её внуком. Единственным. И, если уж говорить честно, единственным человеком в той калифорнийской ветке семьи, рядом с которым она не чувствовала себя лишней.

Он писал ей письма. Настоящие — от руки, с кляксами, перекошенными буквами и странной логикой предложений. В этих письмах были жуки, школьные истории и бесконечные «смотри, что я нашёл». Ничего важного. Именно поэтому они были важными.

Она хотела поехать поездом.

У неё даже был любимый — «Лейк Шор Лимитед». Медленный, шумный, с отвратительным чаем и окнами, через которые видно настоящую землю. В поезде всё было понятно: ты движешься, потому что есть рельсы. Никаких иллюзий.

Но школа в этом году решила, что сентябрь начинается раньше здравого смысла. Завуч — человек с галстуками, украшенными уточками, и голосом, в котором всегда было слишком много масла — отказал ей в дополнительных днях.

— Дети не могут ждать, Маргарет.

Как будто дети когда-нибудь чего-то ждут правильно.

Три дня в поезде против шести часов в воздухе. Простая арифметика, которую она не любила всю жизнь.

Она купила билет.

Маргарет встала в четыре утра.

В это время мир выглядит незаконченным — как черновик, в котором ещё не расставили свет и не добавили людей. Кухня казалась чужой. Чайник шумел громче обычного. Даже собственные шаги звучали так, будто кто-то идёт за ней следом.

На столе стояла коробка.

Красный «Мустанг» на радиоуправлении.

Она выбирала его долго. Слишком долго для игрушки — почти три часа, игнорируя продавца, который настойчиво предлагал «что-нибудь современное». В его понимании это означало пластик с кнопками, которые издают звуки и ломаются через неделю.

Маргарет проверила колёса сама. Резина. Настоящая, мягкая. Не та жёсткая дрянь, от которой остаются белые полосы на пальцах.

Тимми бы заметил разницу.

Она аккуратно уложила коробку в чемодан, обложив её свитерами — как будто это могло что-то защитить. Свитеры были шерстяные, плотные. В Калифорнии они не пригодятся, но Маргарет не доверяла погоде так же, как не доверяла самолётам.

Когда она закрывала чемодан, ей на секунду стало не по себе.

Не страх. Скорее ощущение, что вещь оказалась не там, где должна быть. Как будто живое существо положили в слишком тихое место.

— Ничего, — сказала она вслух, почти шёпотом. — Это ненадолго.

Она не уточнила, для кого именно.

Такси приехало быстро.

Водитель оказался разговорчивым — из тех людей, которые считают молчание личным оскорблением. Он рассказывал о пробках, о политике, о своём племяннике и почему тот «неправильно живёт».

Маргарет слушала вполуха. Слова проходили мимо, не задевая.

Она смотрела в окно.

Город медленно просыпался, но в этом пробуждении не было ничего живого. Свет включался, двери открывались, люди выходили на улицы — всё это происходило так же автоматически, как запускается конвейер.

Ей вдруг захотелось, чтобы поезд всё ещё был вариантом.

Аэропорт встретил её запахом кофе и чего-то химического.

Логан в это время суток выглядел уставшим. Люди двигались быстро, но без цели — как будто скорость сама по себе могла заменить смысл.

Маргарет встала в очередь на досмотр и почувствовала странное раздражение.

Она тридцать лет объясняла детям, что правила — это основа порядка. Что без них всё развалится. Но здесь правила выглядели... декоративными.

Перед ней мужчина вытряхивал содержимое карманов с таким видом, будто впервые видит собственные вещи. Сотрудник службы безопасности наблюдал за этим с выражением, в котором не было ни интереса, ни усталости — только пустота.

— Сумку на ленту, — сказал он.

Маргарет поставила чемодан.

На секунду она подумала о коробке внутри. Представила, как она проходит через сканер — слои ткани, прямоугольник упаковки, пластиковый корпус.

Ничего особенного.

Ничего, что стоило бы заметить.

Чемодан проехал.

Сотрудник даже не взглянул на экран.

— Проходите.

И это, почему-то, оказалось неприятнее, чем если бы её остановили.

Она забрала чемодан и пошла дальше.

С ощущением, что что-то важное только что произошло —

и никто этого не заметил.

Именно тогда она их и заметила.

Не сразу — взгляд зацепился и прошёл дальше, как это бывает с любыми незнакомыми людьми в аэропорту. Здесь все похожи друг на друга: сумки, куртки, усталые лица. Но что-то заставило её посмотреть ещё раз.

Их было несколько. Пятеро, кажется. Они стояли у стойки, но не в очереди — чуть в стороне, как будто уже всё сделали, но не уходили.

Маргарет сначала не поняла, что именно её смутило.

Не одежда — самая обычная. Не лица — она даже не смогла бы потом их описать.

Скорее — то, как они держались.

Люди в аэропорту либо спешат, либо ждут. Эти не делали ни того, ни другого.

Они стояли слишком спокойно.

Не расслабленно — именно спокойно, как будто их ничего не касается. Один из них смотрел вперёд, но не на табло и не на людей. Взгляд проходил сквозь всё, не задерживаясь ни на чём. Другой держал сумку, но не менял руку, хотя прошло уже достаточно времени, чтобы устать.

Маргарет поймала себя на том, что наблюдает.

Это было неловко — так смотреть на чужих людей. Она отвела глаза, сделала шаг, потом снова посмотрела. Уже украдкой.

Один из них что-то сказал. Остальные кивнули — почти одновременно, слишком синхронно для обычного разговора. Без улыбок, без лишних движений. Как будто слова были не важны, важен был только сам факт.

«Глупости», — подумала Маргарет.

Она тридцать лет учила детей не делать выводов по внешнему виду. Не придумывать истории там, где их нет. Люди бывают разными. У всех свои привычки.

Она знала это.

Но знание не помогало.

Внутри оставалось ощущение — не страх, нет. Что-то более тихое. Как когда заходишь в комнату и чувствуешь, что разговор там только что прервали.

Она оглянулась на линию досмотра.

Тот самый сотрудник всё так же стоял у монитора, слегка ссутулившись. Один из мужчин прошёл через рамку. Она не издала ни звука. Сотрудник даже не поднял головы.

Ничего необычного.

Вообще ничего.

Маргарет ждала ремешок сумки сильнее, чем нужно.

«Ты устала», — сказала она себе. — «Четыре утра, кофе, перелёт. Ты ищешь проблемы».

Она снова посмотрела в их сторону — просто чтобы убедиться, что всё в порядке.

В этот момент один из них повернул голову.

Не резко. Спокойно. Почти лениво.
И на долю секунды их взгляды встретились.
Ничего не произошло. Ни угрозы, ни агрессии, ни даже интереса.

Но Маргарет вдруг почувствовала, что её заметили — не как человека, а как часть пространства. Как стул или табло с вылетами.

Она первой отвела глаза.
И сразу разозлилась на себя.
— Чушь, — пробормотала она едва слышно.
Она подхватила чемодан и пошла к своему гейту, стараясь больше не оборачиваться.
Но ощущение осталось.
Не оформленное в мысль.

Без слов.
Просто тихое, упрямое несоответствие —

как если бы что-то в привычной картине было сдвинуто на пару миллиметров.
И этого было достаточно, чтобы перестать чувствовать себя спокойно.

Не уютно — просто предсказуемо. Люди рассаживались, щёлкали ремнями, устраивали сумки. Кто-то уже закрыл глаза, кто-то раскрыл журнал, кто-то сразу потянулся к кнопке вызова стюардессы.

Маргарет села у окна, подтянула юбку, застегнула ремень. Проверила его ещё раз — без причины, просто так.

Рядом мужчина открыл ноутбук. Перед ними женщина долго возилась с сумкой, пока ей не помогли.

Обычное утро, в котором ничего не должно происходить.
Самолёт взлетел.

Гул двигателей стал ровным, почти убаюкивающим. Вибрация ушла, осталась только лёгкая дрожь, которую тело перестаёт замечать через пару минут.

Когда они набрали высоту, стало тише.
Стюардессы прошли по проходу.
— Кофе, чай, сок?

Маргарет взяла кофе. Держала стаканчик осторожно — он был слишком горячим.
Она посмотрела в окно.

Город распался на линии и пятна. Всё выглядело аккуратно. Управляемо.
Это немного успокаивало.

Первое изменение никто не заметил сразу.

Где-то впереди поднялся человек.

Это нормально. Люди встают, чтобы взять что-то с полки, поговорить, пройти в туалет.

Никто не обратил внимания.

Потом он появился в проходе.

Шёл быстро, но без суеты. Не оглядываясь. Люди чуть смещались, пропуская его, ещё до того, как он к ним подходил.

Маргарет увидела его, когда он оказался рядом.

В руке у него было что-то узкое.

Она не сразу поняла что.

Потом поняла.

Канцелярский нож.

Настолько обычный предмет, что на секунду это даже показалось ошибкой — как если бы глаз неверно сложил картинку.

Он прошёл дальше.

Кто-то тихо сказал:

— Что происходит?

Ответа не было.

Но уже через несколько секунд стало ясно, что это не случайность.

В проходе стоял ещё один человек. Не перекрывая дорогу, просто находясь там. Его присутствие делало пространство уже.

Мужчина в костюме попытался подняться.

— Слушайте, я думаю—

Он не договорил.

Ему ничего не сделали. Даже не прикоснулись по-настоящему. Просто короткое движение рукой — и он сел обратно. Быстро. Слишком быстро.

Пауза затянулась.

И в этой паузе кто-то произнёс почти шёпотом:

— Это угон?

Слово повисло в воздухе.

И сразу стало легче.

Потому что «угон» — это понятно.

Это сценарий.

— Главное — не дергаться, — сказал мужчина через проход, не глядя ни на кого конкретно. — Если это угон, они просто сменяют курс.

— Да, — ответил кто-то сзади. — Такое уже было.

— Обычно летят в Латинскую Америку, — добавил третий голос. — Куба, Мексика...

— Или Барбадос, — сказал кто-то почти уверенно. — Я читал.

Слова складывались быстро, как будто люди собирали инструкцию из обрывков памяти.

Маргарет слушала.

И понимала, что это работает.

Паники не было. Было напряжение, но управляемое. Люди держались за идею, что всё происходит по правилам, просто по другим.

— Их потом посадят, — продолжил тот же голос. — На полосе. Переговоры. Всё как обычно.

— Да, — сказал кто-то. — Потом спецслужбы.

— Национальная гвардия, — добавил мужчина рядом. — Заберут их.

— На «Геркулесе», — тихо сказал кто-то сзади, будто вспоминая фильм.

Никто не спорил.

План уже существовал.

Маргарет поставила кофе на столик.

Руки у неё дрожали, но не сильно. Это было похоже на холод, а не на страх.

Она посмотрела вперёд.

Люди с ножами не кричали. Не требовали ничего. Они просто занимали свои места в пространстве.

Это тоже укладывалось в объяснение.

Самолёт слегка изменил курс.

Наклон был едва заметен, но ощутим.

— Вот, — сказал кто-то. — Поворачивают.

— Да, — ответили ему. — Всё нормально.
Слово «нормально» прозвучало почти убедительно.
Маргарет посмотрела в иллюминатор.
Город был ближе, чем раньше.
Она нахмурилась.

Если они меняют курс, они должны набирать высоту или хотя бы держать её. Но земля не отдалялась. Наоборот.

Она отвела взгляд.
Снова посмотрела вперёд.
Никто не обсуждал высоту.
Обсуждали только то, что уже решили.

— Главное — не провоцировать, — сказал мужчина в костюме, который недавно пытался встать. Голос его был слишком спокойным. — Им нужны переговоры.

Никто не ответил.
Но несколько человек кивнули.
Самолёт накренился сильнее.
Теперь это было заметно.
— Это нормально? — спросила женщина впереди.

Никто не ответил сразу.
Потом тот же голос сказал:
— Да. Они заходят на новый курс.
Слишком быстро.
Как будто ответ был готов заранее.
Маргарет снова посмотрела в окно.
Здания стали различимы.
Не как пятна — как отдельные объекты. Окна, крыши, линии улиц.
Слишком близко.
Она почувствовала, как что-то внутри не складывается.
Не страх.
Несоответствие.

— Они не набирают высоту, — тихо сказала она.
Никто не отреагировал.
Или сделал вид, что не услышал.

В проходе всё оставалось прежним.
Те же люди. Те же движения. Та же тишина.
Только теперь тишина была плотнее.
Башни появились в окне внезапно.
Слишком большие.
Слишком неподвижные.
— Они слишком близко, — сказал кто-то.
На этот раз голос дрогнул.
— Это не тот курс, — сказал другой.

Тихо.
Почти удивлённо.
Никто больше не говорил про Мексику.
И про Барбадос тоже.

Маргарет посмотрела на отражение в стекле.

Своё лицо.

Спокойное.

Как будто оно уже всё поняло раньше неё.

И только тогда в салоне стало по-настоящему тихо.

Потом свет изменился.

Не стало ярче или темнее — просто стал другим. Как если бы кто-то переключил режим, не спросив остальных.

Самолёт не взорвался.

Не было того самого киношного «ба-бах», которого все ждут, даже если не хотят это признавать. Было столкновение. Короткое. Упрямое. Как если бы два предмета заняли одно и то же место и отказались уступать.

Звук пришёл позже.

Он был слишком большим для ушей, поэтому мозг решил его не обрабатывать. Удобная функция.

Маргарет ничего не почувствовала.

Это не милосердие и не жестокость — просто скорость.

Дальше всё стало происходить без неё.

Металл повёл себя честно — он не стал притворяться прочным. Он сложился, разорвался, разлетелся на части, как и должен был. Топливо тоже не стало изображать из себя что-то иное — оно вспыхнуло.

Огонь в таких ситуациях не «злой» и не «адский». Он деловой. Он выполняет работу.

Где-то внутри всего этого был багажный отсек.

Тёмный, организованный, аккуратный — последнее место в этом самолёте, где ещё сохранялась иллюзия порядка.

Чемоданы стояли как положено. Ремни были затянуты. Ничего не выпадало, ничего не кричало.

В одном из чемоданов лежала коробка.

Красный «Мустанг».

Он не знал, что происходит. У игрушек в этом смысле есть преимущество.

Сначала исчезла коробка.

Картон не выдерживает аргументов огня. Он не спорит, он сразу соглашается.

Потом корпус.

Красный пластик не плавится красиво. Он сдаётся. Теряет форму, проваливается внутрь себя, как плохая идея.

Колёса горели чуть дольше.

Резина вообще упрямая вещь.

Если бы кто-то это видел, он бы сказал, что это неважно.

И был бы прав.

Но именно такие вещи почему-то запоминаются лучше всего.

Через несколько минут не осталось ничего, что можно было бы назвать машинкой.

И ничего, что можно было бы отправить дальше.

В Пасадене было утро.

Не символическое — обычное. С солнцем, которое светит слишком ярко для людей, которые плохо спали, и с воздухом, который уже нагревается, хотя ещё рано.

Тимми проснулся сам.

Без будильника. В день рождения будильники не нужны.

Он сел на кровати и посмотрел на календарь. Семь.
Цифра выглядела серьёзно.
Внизу его мать варила кофе.
Кофе у неё получался крепче, чем нужно, и горьче, чем хотелось. Она говорила, что это «привычка». На самом деле это был способ не думать.
Телефон лежал рядом.
Она уже звонила.
Не дозвонилась.
Это тоже укладывалось в объяснение.
— Он прилетел? — спросил Тимми, спускаясь.
— Ещё нет, — сказала она.
Голос был нормальный.
Слишком нормальный.

Телевизор был выключен.
Но он уже участвовал в происходящем — своим чёрным экраном, который отражал всё, что не хотелось видеть напрямую.
— Самолёты иногда задерживаются, — сказала она, не глядя на сына.
Это была правда.
Такая правда, которую удобно использовать.
Тимми кивнул.
Его это устраивало.
Задержка — это временно.
Задержка не отменяет подарок.
Он вышел во двор.
Газон был идеальным — как всегда. Сосед уже полил его, хотя можно было и позже.
Некоторые люди поливают траву, потому что это единственное, что они могут контролировать.
Тимми представил, как по этому газону едет красная машинка.
Быстро. С шумом. Оставляя следы, за которые потом будут ругаться.
Это был хороший план.
Он нашёл старую деревянную машинку.
Тяжёлую. Неповоротливую. Она не издавала звуков, если не издавать их самому.
— Р-р-р, — сказал он.
Получилось не очень.

В доме зазвонил телефон.
Сара не сразу взяла трубку.
Иногда есть несколько секунд, в которые ты ещё можешь сделать вид, что ничего не происходит.
Она досчитала до трёх.
И взяла.
— Да.
Пауза.
— Я понимаю.
Ещё пауза.
— Спасибо.
Она положила трубку аккуратно.
Как будто это был предмет, который нельзя ронять.
Она не заплакала сразу.

Сначала изменилась поза. Плечи опустились. Спина как будто перестала держать вес. Потом лицо.

Оно не искажилось — оно стало пустым. Как экран до того, как на него выводят изображение.

Тимми стоял в дверях.

Он ничего не понял.

Но увидел.

Этого оказалось достаточно.

Он не спросил про самолёт.

Не спросил про бабушку.

Он просто перестал ждать.

Позже придут люди.

Позже будут слова, которые звучат одинаково в любых домах.

Позже кто-то будет объяснять, что произошло, как будто это можно объяснить.

Но сейчас в доме было тихо.

Та тишина, в которой уже нет вариантов.

Тимми вернулся во двор.

Сел на траву.

Посмотрел на небо.

Оно было чистым.

Без единого следа.

Как будто ничего никогда не летало.

Он лёг на спину.

Закрыв глаза.

И попытался представить красный цвет.

Не тот, который горит.

А тот, который едет.

Я живу!

Меня зовут Линнея, мне шестнадцать, и я из Мальмё. Это город, который будто всё время забыл, что он — город. Он серый, он плоский, и он такой... как будто ты в нём родился, чтобы уехать. И ветер там всегда, даже летом. Ты можешь идти по улице, и у тебя волосы липнут к лицу, и всё время надо поправлять их рукой, и ты думаешь: «Да хоть раз можно без этого?».

Я обычная. Если под «обычной» понимать, что ты всё время думаешь, что ты особенная, но при этом понимаешь, что в мире миллиард таких, как ты. У меня есть друзья, с которыми мы сидим в кафе, пьём кофе, который вообще-то дрянь, но мы делаем вид, что он нас взрослит. Мы жалуемся на родителей, как будто это спорт. Иногда мы идём в торговый центр, просто ходим туда-сюда, ничего не покупаем, и всё время думаем, что вот так и будут проходить наши жизни.

У меня есть парень, Петер. Он старше на год. Не то чтобы он прям кумир, но когда он надевает кожаную куртку и садится на мотоцикл, у него есть этот взгляд... ну знаешь, как в фильмах, когда герой едет в закат и всем плевать, куда он едет. Иногда я еду с ним. Он газует, а я держусь за него, и тогда мне кажется, что я могу выскочить из этой жизни, как из автобуса на неправильной остановке.

Мальмё мне в целом нравится. Там есть старые дома, пахнувшие кирпичом, и порты, где можно просто стоять и смотреть на воду. Но я всё равно мечтаю уехать. Хоть куда. В место, где пальмы, а люди ходят в шлёпках в декабре.

Родители... ну, это отдельная глава. Они как два полицейских, только у них нет формы, зато есть фразы типа: «Линнея, не поздно ли тебе?» или «Это не для тебя». Они думают, что я не понимаю, что они мной управляют, но я всё вижу. Мама — та, кто может за минуту сменить тон с ласкового на ледяной. Папа — тот, кто молчит так, что чувствуешь себя виноватой, даже если ничего не сделала.

И вот Рождество. Папа улыбается как-то не по-настоящему, мама делает вид, что всё это сюрприз: «Мы едем в Таиланд!» На две недели. Я и Оскар — мой брат, ему пять. Он всё ещё в том возрасте, когда не понимает, что вещи стареют. У него есть плюшевый медведь Снорре, который выглядел бы мило лет пять назад, но теперь он весь серый, с висящим ухом и глазом, пришитым чужой ниткой. Оскар таскает его везде.

Когда они это сказали, я улыбнулась. Внутри я думала: офигеть. Таиланд. Я раньше была только в Дании и Норвегии, и то на автобусе. А тут — другой континент. И одновременно я знала, что они будут всё время рядом. Что в этой жаре и с пальмами я всё равно останусь девочкой, у которой проверяют телефон и которая не может просто исчезнуть на час.

Перед поездкой мама устроила сбор аптечки, как будто мы в Амазонку идём на год. Таблетки от всего, мази, пластыри, спрей от комаров, крем от солнца. Папа таскал в чемодан книги и фотоаппарат. Я пробовала сдерживать смешки, но не могла.

День вылета. Мы едем в аэропорт в полной тишине. Я в наушниках, Оскар спит на маме, папа за рулём. В самолёте я села у окна. Сначала были облака, как пена, потом под ними всё стало зелёным, потом синим. В Бангкоке пахло странно. Манго, бензином, жареным мясом и чем-то сладким, липким. Воздух был как суп — густой, и ты его как будто пьёшь.

До Као Лака мы ехали на автобусе. Пальмы, лавки с фруктами, мотобайки, крики птиц. Я смотрела в окно и думала, что это всё как-то не по-настоящему. Будто я смотрю кино, только без паузы.

Утро в Као Лаке липкое. Даже не влажное — именно липкое, как будто кто-то вылил сироп на воздух, и теперь он прилипает к коже. Я проснулась, потому что в комнате стало жарко, хотя кондиционер работал. Пахло кокосовым маслом, морской солью и чем-то ещё — сладким, но с привкусом гниющих листьев.

Папа уже был на ногах. Он всегда встаёт первым, бормочет про кофе, но на самом деле просто стоит у окна и смотрит, как будто там какая-то своя передача. Мама возилась с Оскаром. Он вцепился в своего медведя Снорре так, будто тот единственный, кто способен его защитить от мира.

Я схватила телефон. На экране — сообщение от Петера, пришло ночью:

Петер: «Ну что, дельфин уже проснулся?»

Я усмехнулась. Вчера на рынке я купила футболку с дурацкими дельфинами. Продавец нахваливал её так, как будто она из золота, а я спорила с ним, передразнивала, пока он не сдался. Отправила Петеру фото, где держу её за край, и написала: «Шедевр». Он ответил: «Хочу увидеть шедевр на тебе».

Я надела её. На солнце она была ещё более безвкусной — голубая, с огромным дельфином, который как будто улыбается тебе в лицо. Сделала селфи в зеркале, чуть наклонив голову, как он любит. Пальцы дрожали, но не от страха, а от того, что... ну, знаешь, это как нажать «отправить» и ждать — что он скажет, как посмотрит.

Я уже начала печатать: «Смотри, какой шедевр!», как дверь открылась, и в комнату зашла мама.

— Линнея, завтрак скоро закончится... — начала она, но потом заметила, что я быстро отвожу телефон в сторону. — Что ты делаешь?

— Ничего, — сказала я слишком быстро.

Она прищурилась. Подошла ближе, и я почувствовала, как сердце стучит в горле.

— Дай сюда.

— Мам... — Я вцепилась в телефон, но она уже держала его.

Мама смотрела на экран несколько секунд. Её лицо не изменилось, но я знала — она всё увидела. Не всё-всё, но достаточно, чтобы понять.

— Линнея, — сказала она тихо. — Это он?

Я молчала. Хотела, чтобы пол провалился, чтобы меня затянуло в ту самую чёрную дыру, куда попадают все подростки, которых застукали родители.

— Это очень... — она сделала паузу, подбирая слово. — Личное. Я не сержусь, — она села на край кровати, держа телефон на коленях. — Но ты должна понимать, что это может быть опасно.

— Опасно? — я фыркнула, хотя внутри было не до смеха. — Мам, это просто фото.

— Для тебя — просто фото. Для кого-то ещё — совсем другое.

Я отвернулась.

— Я не хочу контролировать каждое твоё движение, — продолжила она, — но я хочу, чтобы ты осталась в безопасности.

Я почувствовала, что глаза наполняются слезами. И не от того, что она меня поймала, а от того, что её голос дрогнул. В нём было что-то другое — страх. Настоящий.

— Ты всегда можешь поговорить со мной, — сказала она. — Даже если думаешь, что я не пойму.

Я кивнула. Не потому, что собиралась, а потому что в тот момент легче было согласиться, чем спорить.

В отдельном ресторане было шумно, как в улье, только вместо пчёл — туристы, официанты и чайники с кипятком. Зал тянулся длинным прямоугольником, и в конце его огромные окна, из которых лился ослепительный свет, будто кто-то забыл выключить прожектор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.